

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА



ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ИРИНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ –
ПРЕКРАСНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ
И ЛЮБВИ:

Любовно-исторические:



Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:



Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Неоконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

**В соавторстве
с Георгием Ланским:**



Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

**Сериал
«Агент сыскной полиции»:**



Агент сыскной полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедия
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

КОЛЕЧКО
С БИРЮЗОЙ



МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Колечко с бирюзой : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Любовь, интрига, тайна).

ISBN 978-5-04-089802-2

Когда-то Наташа совершила роковую ошибку — вышла замуж за нелюбимого, а с Игорем Карташевым, единственным мужчиной в ее жизни, рассталась и даже не объяснилась, застав целующимся с другой. На память о нем осталось лишь колечко с бирюзой... И вот новая встреча, через много лет. Игорь не узнал в ней, красавице-брюнетке, девочку с золотой косой, сломавшую ему жизнь. Но почему-то очень болезненно отреагировал, когда на Наташу обратил внимание местный авторитет Пеликан. А друг Игоря Степанок, сотрудник правоохранительных органов, решил этим воспользоваться и попросил Наташу познакомиться с Пеликаном поближе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089802-2

© Мельникова И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Бирюза в переводе с персидского «счастье»...



ВМЕСТО ПРОЛОГА

Японское море

...Огонь и страшная, душераздирающая боль!..

Боль и огонь! Огонь и боль!.. Он вырывался из объятий настигавших его языков пламени, но огонь вновь и вновь преграждал ему путь, безжалостно лизал тело, дым выедал глаза... Он пытался кричать: где-то совсем рядом была помощь, были люди, которые не могли не откликнуться на его призывы...

Слова рвались из стиснутого спазмом горла, застревали в нем, оставаясь в плену запечатанных нестерпимым жаром губ... Боль от ожогов, казалось, парализовала и волю, и последние силы. А за стеной огня вставала еще более страшная стена сплошного мрака.

Он чувствовал: непреодолимая сила толкает его сквозь огонь и нестерпимую боль все дальше и дальше, в объятия равнодушной и пугающей тьмы. Последние силы покидали его, а вместе с ними таяла и надежда на спасение. Он перестал цепляться за крохотный островок надежды, и тут же безумный вихрь подхватил, понес, закрутил его, словно высохший лист, поднял в запретельные выси, и в просвете между тучами, далеко-далеко внизу, мелькнул крошечный пограничный катер и догоравшее суденышко контрабандистов.

В доли секунды видение исчезло, а впереди возник чудовищный зев гигантской трубы, куда его с оглушительным ревом и свистом нес воздушный поток. И он понял, что не осталось у него сил и желания бороться с этой неумолимой стихией, не в состоянии он больше сопротивляться тому неминуемому, что ожидает его в конце последнего в жизни стремительного полета...

Но внезапно смолкли и рев, и свист, исчез омерзительный запах из жерла трубы, а на смену оглушительной тишине пришли вдруг звуки, словно тысячи хрустальных колокольцев принялись исполнять хрупкую и нежную старинную мелодию.

Вихрь сжался, свился в клубок и вдруг опал к ногам тонкой женской фигурки в длинном белом одеянии. Женщина протянула к нему руки, и вихрь тотчас исчез в складках ее одежды, которые белыми крыльями взметнулись над человеком, овеяли его прохладой, благодатью, и сразу же отступила тьма...

Женщина склонилась над ним, нежные губы коснулись его щеки, и он почувствовал, как уходит боль, отпускает из своих тисков измученное тело...

Неописуемо яркое небо накрыло их своим покрывалом, а может быть, женские глаза вобрали в себя этот успокаивающий бирюзовый цвет?..

Человек облегченно вздохнул, напряженные мышцы расслабились, и он... улыбнулся...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1989 год



ГЛАВА 1

На перроне, как обычно поутру, преобладали дачники: старушки и старики, а еще отпускники — мужчины и женщины — с рюкзаками, сумками на колесиках, многочисленными ведрами, корзинами и кошелками. Сейчас они были настроены весьма благодушно: дары садов и огородов не оттягивали руки и плечи, не ныли от усталости ноги, не кружилась голова и пока не повышалось давление от целого дня, проведенного на солнцепеке. Полусонные дети тоже вели себя спокойно: не крутились под ногами, а покорно держались за руки мам и бабушек — досыпали на ходу. Мужчины торопливо докуривали «Беломор» и мирно беседовали на вечные темы: получится ли по возвращении выпить холодного пивка, попасть на футбол и с каким счетом продуют на этот раз портовики своим соперникам — морякам-пограничникам. Женщины были заняты обсуждением насущных семейных проблем: как распорядиться излишками выращенных нелегким трудом плодов и овощей, где достать крышки для консервирования, получится ли вечером купить детям молока... Прилавки магазинов почти опустели, и многие продукты давно уже отпускали по талонам.

Подошла пригородная электричка, и сразу же пестрая, разноголосая толпа рысцой поспешила ей навстречу, разбилась на несколько групп и устремилась в вагоны.

Посадка в утренние электрички всегда напоминала Наташе то ли спешную эвакуацию отступающих войск, то ли взятие пиратами на abordаж торгового судна, а может, и штурм крепости Измаил героическими русскими войсками. Особенно усердствовали благонравные бабули и дедки. Забыв о возрасте и воспитании, ветераны труда не прокладывали себе дорогу в вагон сквозь возбужденную толпу дачников, а словно шли в атаку на вражеские позиции. Они шустро работали локтями, успевая вовсю поносить и железнодорожное начальство, и современную молодежь, и узкие двери, и высокие ступени, и зазевавшуюся невестку, и отставшего внука...

С молоком матери впитавшие понятия «дефицит» и «блат» как мерило истинной ценности человека в обществе, привыкшие добиваться жизненных благ с наскока, силовыми приемами, советские граждане с такой энергией брали приступом вагоны, что ее вполне хватило бы для запуска небольшого спутника Земли.

Наташа, наученная горьким опытом, предпочитала пережить штурм вагона в относительно безопасном месте у газетного киоска. За несколько минут до отхода электрички бои местного значения поутихнут, и тогда можно спокойно войти в вагон и даже иногда устроиться на свободном месте, подремать под тихое жужжание разговоров или поглазеть на пролетающие за окном пыльные кусты, промышленные корпуса и караван невысоких сопков, поросших буйной дальневосточной растительностью.

На этот раз ей повезло. Шумная компания железнодорожных рабочих в оранжевых жилетах сошла через четверть часа на одном из разъездов, и Наташа уселась возле окна. Прислонившись виском к оконной раме, она попыталась вздремнуть, но сон не шел. Стоило прикрыть веки, и перед глазами, как на параде, выстраивались шеренги стеклянных баночек и пузырьков для анализов, громоздились окровавленные бинты в перевязочной, а запах хлорки и лекарств, казалось, навечно про-

питал все вокруг. И хотя после каждого дежурства она тщательно мылась под душем, меняла всю одежду и белье, ароматы госпиталя продолжали преследовать ее в электричке и даже дома.

Наташа посмотрела на свои руки: загрибели и шелушатся от постоянного общения с водой и хлоркой. За месяц работы она перемыла, наверно, чуть ли не сотни гектаров пола, но кроме этого у санитарки масса других забот, и мытье туалетов и санобработка больных — не самые из них неприятные. Вчера в ночь, к примеру, ей пришлось делать клизмы двум морячкам береговой службы, поступившим в госпиталь с диагнозом «острый аппендицит». Но, как выяснилось позже, они просто-напросто соскучились по сладкому, добрались до корней солодки, росшей под забором охраняемого ими объекта, — и вот результат.

Парни, схватившись за пижамные штаны, согласны были идти на гауптвахту, в дисбат, куда угодно, лишь бы не подставлять задницы молоденькой санитарке. И только угроза вызова старшей медсестры Нины Ивановны Кочубей дала возможность Наташе выполнить служебные обязанности.

Появление на горизонте гренадерского роста дамы, обладавшей к тому же зычным генеральским басом, приводило в священный трепет не только больных, но и видавших всякое медсестер, а тем более санитарок. Даже врачи избегали с ней конфликтовать, изведав на собственном опыте ее крутой характер. Причем сама Нина Ивановна никогда в спор не вступала, но если находился смельчак, недостаточно осведомленный о порядках в хирургическом отделении, который пытался опротестовать ее решение, то уже через пару минут он выбрасывал белый флаг и спешно ретировался в безопасное место.

Однажды Наташа проводила влажную уборку в кабинете начальника отделения Якова Самойловича Лацкарта и случайно оказалась свидетельницей его разговора с лейтенантом медицинской службы, который опрометчи-

во решил пожаловаться на действия старшей медсестры. Оторвавшись на минуту от истории болезни, шеф хирургического отделения оглядел поверх очков долговязую фигуру жалобщика и недовольно хмыкнул:

— И кто же вас подтолкнул на столь смелые поступки?

— Товарищ подполковник, я думал... — смутился лейтенант, — в академии нас учили...

— Чему вас учили в академии, я знаю, — сухо сказал Лацкарт, — но здесь у нас свои академики. Старшую медсестру я знаю более тридцати лет. Она любого профессора за пояс заткнет, а вас тем более. Поэтому советую: найдите с ней общий язык, а не вступайте в контры. Уверяю, вам это пойдет на пользу.

Особой заботой грозной Кочубейши, как за глаза звал ее весь госпиталь, являлось моральное состояние вверенного ей коллектива медсестер, санитаров и санитарок. Всякие поползновения со стороны пациентов завести шашни с медперсоналом пресекались ею уже в зародыше раз и навсегда. А самым ретивым сердцеедам грозила порой досрочная выписка, а то и рапорт на имя командира части.

Особенно она не любила девиц со смазливой внешностью и в конце концов добилась того, что средний медперсонал хирургии получил очень точное прозвище «ко-неферма». Поэтому появление в отделении новенькой молоденькой санитарки Наташи Ливановой стало настоящей сенсацией для всего госпиталя. И пусть ее приняли временно, на период летних отпусков, но для всех осталось загадкой, почему Кочубейша изменила своим принципам. Поговаривали, что она лично просила о Ливановой начальника госпиталя, и он сделал ей одолжение, хотя не желал брать людей со стороны.

Наташе выдали белый балахон, украшенный черными пятнами ляписа, отдаленно напоминавшими буквы Х.О. Балахон заменял ей сорочку и целомудренно закрывал ноги по самые щиколотки. Верхняя одежда новой санитарки состояла из старого сатинового халата, когда-то